

Рудольф НУРЕЕВ: "КОГДА ВЫ ВИДИТЕ МОЙ ТАНЕЦ - ВЫ ОБЩАЕТЕСЬ С БОГОМ"

Смена. - Санкт-Петербург. - 1993. - 16 авг. - с. 4

когда и никому. Его называли «новым Нижинским» и сравнивали с Богом. «Рудольф — самый притягательный человек, которого я когда-либо встречал. Его тело и его душа были проводником красоты. Это человек Земли, преданный только танцу. Я его никогда не забуду», — сказал Михаил Барышников после его смерти.

Рудольф Нуреев был первым среди советских танцовщиков, уехавших на Запад. И двенадцатым в ряду политических эмигрантов. Он остался во Франции летом шестидесяти первого года, когда балетная труппа Кировского театра находилась там на гастролях. В интервью «Смене» в 1989 году он так объяснил этот поступок: «Я всегда чувствовал, что принадлежу миру, но решил, что сам первого шага не сделаю — судьба должна дать мне повод. И он случился тогда, во время наших парижских гастролей. Я ехал и не знал, что останусь навсегда.

После Франции нас ждали в Лондоне, где четыре из шести спектаклей, которые мы везли, должны были открывать я. И вдруг сообщение: обязан вернуться в Москву, чтобы танцевать для Хрущева. Что ж, решил, что для меня Королевский балет важнее премьеры... Рассказывают, как он рванул к полисмену с требованием политического убежища...

Его багаж вернулся в Москву без него. И на долгие двадцать восемь лет между ним и Россией опустился занавес. За эти годы он часто посещал спектакли Кировской труппы за рубежом, пытался

украдкой передать письма и подарки для друзей. Но советским артистам общение с «опальным» Нуреевым было запрещено. Он это знал и старался не переступить невидимую черту — послушание заканчивалось для друзей закрытием визы на выезд и различными неприятностями, вплоть до увольнения из театра.

Когда-то, так же, ослушавшись отца, не желавшего ничего слышать о танцах, он уехал из Уфы в Ленинград поступать в Вагановское училище. Он заболел и танцем и театром в шесть лет, когда мама впервые привела на какой-то спектакль. К балетному станку встал довольно поздно, и первый педагог Нуреева Анна Удальцова (которая скончалась минувшей осенью в возрасте ста трех лет) вспоминала: «Я учила его танцевать, а мой муж — вести себя в обществе...»

«С первого появления Нуреева в школе (Училище имени А. Я. Вагановой. — Авт.) уже говорили, что это явление из ряда вон выходящее. На всех его уроках и репетициях были зрители, — рассказывает главный балетмейстер Мариинского театра Олег Виноградов. — Он обладал всем сразу — и тонкой душой, и совершенной техникой. От природы у него была прекрасная координация, красивые руки. Не случайно с ним танцевали все знаменитые балерины, включая Марго Фонтейн, — это был блестящий партнер. Каждое выступление Нуреева — урок мастерства и стиля...»

Жаль, бесконечно жаль, что

здесь, в России, мы практически не знаем танца Рудольфа Нуреева. Лишь старшее поколение любителей балета помнит те три сезона, когда юный выпускник Вагановки покорял зал своим искусством. Немногие счастливицы встретились с Нуреевым на двух спектаклях «Сильфиды» в ноябре семидесяти девятого, когда звезде балета наконец разрешили снова выступить в Кировском. Увы, в своих единственных и последних гастролях здесь он уже был весьма немолод. «Приехал, чтобы прохромать на этой сцене», — сказал тогда Нуреев журналистам, а публика приняла этот «хромой» шаг довольно прохладно. Она не видела танцовщика в расцвете карьеры, не слышала, что о нем сняты десятки фильмов. Кстати, не стоит и сомневаться в том, что мы их увидим, — теперь Родина будет часто вспоминать возвращенную ею легенду...

Нуреева часто называли гражданином мира. Нам по инерции хочется считать его русским. Последние годы в его паспорте стояло австрийское гражданство, сам же он всегда говорил: «Я просто башкирский татарин».

Еще будут книги о Нурееве. Должны быть. Владелец домов, расставленных, как маленькие музеи, по всему миру, островов, яхт и ферм. Создатель редких коллекций старинных картин и гравюр. Ценитель умных книг и дорогих ковров. Он шил себе костюмы из изысканнейших тканей. Общался с королями и президентами. Эпатировал публику нарядами и поведением. Марго Боа, его старый друг, с про-

иней замечал, что, тратя целое состояние на какие-нибудь антикварные вещи, Рудольф при этом не любил ежедневных бытовых расходов, делал дорогие подарки и не носил ни копейки в кармане: «У него были любопытные отношения с деньгами, но, будучи человеком из бедной семьи, он хорошо знал им цену».

Поговаривают, что именно из-за несносного и взбалмошного характера Нуреева Опера де Пари в конце восьмидесятых не захотела продлевать с ним контракт. Острый на язык, эпатировавший публику танцовщик всегда был в центре внимания. Природой ему был дан танец. Фантастичный стиль своей жизни он создал сам.

Нинель Кургапкина, давний друг и бывшая партнерша Нуреева, последний раз видела его в октябре 92-го года, может быть, единственная из всего большого Петербурга. Смертельно больной Нуреев переносил на сцену Опера де Пари «Баядерку». Ее он попросил помочь в этой работе. Мастер с трудом двигался и все-таки каждое утро заставлял себя поднимать, одевать и везти в театр. Он не мог ходить и все замечания давал лежа на небольшом диванчике, специально поставленном в зале. «Врачи запрещали ему работать, но он отмахивался: если я все равно умру, то важно ли — на сцене или лежа в кровати... У него была удивительная воля. Восьмого числа состоялась премьера, а десятого он приехал в театр, чтобы посмотреть работу Ролана Пети, созданную по мо-

тивам Чаплина, и не покинул зал во время всего спектакля...»

Он очень боялся умирать. Очень... Он жил так, чтобы не думать о скором конце. Его последнее интервью было коротким. Когда после премьеры «Баядерки» журналисты попросили мастера сказать несколько слов о себе, он ответил: «Машинка сломалась...»

...Искусство танца при всей своей красоте и неповторимости смертно. Танец жив до тех пор, пока жив его создатель — артист. Уход Нуреева — это прощание навсегда с созданными им партиями Деизре и Альберта, Синей Птицы и Петрушки. Судьба распорядилась так, что в первую очередь он был и останется великодушным танцовщиком, а уже во вторую — балетмейстером, педагогом, актером, дирижером. Он увез на Запад не столько себя, сколько выдающуюся петербургскую школу классического танца, и прославлял ее, путешествуя из страны в страну.

«Когда вы слушаете музыку Баха, вы слышите часть Бога. Когда вы смотрите хороший спектакль по пьесе Шекспира — вы зрите часть Бога. Когда вы видите мой танец — вы общаетесь с Богом...»

Вам кажутся эти слова Нуреева самоуверенными? Но те, кто рукописал ему тридцать лет, были с ним согласны. Это красивая Легенда балета. Навсегда.

Ника СТРИЖАК

Фото Павла МАРКИНА

Минувший высокосный год стал страшным для современного балета: покинули жизнь несколько всемирно известных танцовщиков — Сергеев, Чабукиани, Хорхе Дон. Мы надеялись, что год завершен. Нет — последний ужасный всплеск потряс всех. Скончался Рудольф Нуреев.

В предсмертном желании он хотел быть похороненным в земле страны, которая стала последней в его жизненных скитаниях. На русском кладбище. Его воля была исполнена. В минувший вторник после гражданской панихиды в театре Опера де Пари тело Нуреева было погребено на кладбище Сен-Женевьев де Буа в Париже. Его состояние

в сто миллионов франков осталось в двух фондах — личном, у двух сестер и их детей, и фонде помощи в борьбе с опасными заболеваниями.

Пятидесятичетырехлет и ий Рудольф Нуреев скончался от приступа сердечной недостаточности. Его сердце не выдержало длительной борьбы со СПИДом. Этот диагноз официально подтвердил в прессе президент Парижской оперы Пьер Берже. О болезни Нуреева знали давно, но уже с конца осени врачи говорили: осталось совсем немного. С ноября в госпитале «Ле Валуа», что под Парижем, в полной неподвижности великий мастер ждал своего часа. «Каждую минуту я хочу

быть на сцене. Когда гаснет свет прожекторов, я умираю». Все, кто когда-либо встречался с Рудольфом Нуреевым, отмечали его необъятную энергию и жажду жить. Жить на сцене. Любое его интервью — признание в любви. Любви к танцу. Его работоспособность сводила с ума даже профессионалов. Заглянув в рабочий план Нуреева, можно было насчитать до трехсот спектаклей в год! Он танцевал даже тогда, когда возраст уже требовал остановиться. Почему? Боялся умереть вот так, прикованным к постели?

Он не мог не знать, что его любовь к танцу взаимна. Именно Нурееву классический танец раскрылся так, как ни-